

Пётр Гладилін

МОТЫЛЁК

Пьеса в пяти действиях

Все права принадлежат автору

Гладилін Петр Владимирович
8 926 142 60 56
8 (499) 151 50 07
dd@m9com.ru

2 Действующие лица

Полковник Андрей Исаевич Кинчин — командир части.

Коля Лебедушкин — военнослужащий первого года службы.

Капитан Багаев — командир роты.

Адъютант командира части — старший лейтенант Ювачев.

Морозов — военврач, начальник медсанчасти.

ОТ автора

На краю дикого поля, там, где начинается вечная мерзлота, стоит военный гарнизон. Скоро начнется суровая зима и северная степь станет белой, как молоко. Ветер воеет надсадно, как дикий зверь, врываясь в щели, рассыпаясь на тысячи голосов. Где-то гремит наполовину оторванный лист жести, звенит наковальня.

На плацу играет маленький военный оркестр: один барабан, две трубы. Всего три музыканта, один из которых ужасно фальшивит. Но эти три человека вносят порядок в окружающий мир. Это уже не сорвавшийся с цепи хаос. Жить в этом мире, где существует порядок, определяемый интервалами между музыкальными звуками, уже не так страшно.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет командира части.

Полковник. Посмотри, как метет, вовремя мы перевели солдат на зимнюю форму одежды, зима начинается в октябре, а лето в июле.

Адъютант. Товарищ полковник, разрешите обратиться!

Полковник. Баня и та не спасает, второй день не могу согреться, принеси-ка мне горячего чаю!

Адъютант. Чрезвычайное происшествие, товарищ полковник.

Полковник. Раньше никогда не жаловался и не брюзжал, а теперь плачусь сам себе и чувствую наслаждение

от собственной слабости. Ну что замолчал... чрезвычайное происшествие... говори!

Адъютант. Я даже не знаю, как сказать.

Полковник. Не дай бог умереть зимой, как Воскобойников, я помню, как мы его опускали в холодную могилу... Тогда выйди вон, подумай, как доложить, вернись и доложи.

Адъютант. Есть!

Адъютант разворачивается на каблуках, уходит.

Полковник. Боже, какая вонища, значит, опять северо-западный ветер, приказали построить свинарник, чтобы не пропадало ежедневно две тонны пищевых отходов. Надо было строить не стенка к стенке, а в двадцати километрах от части. Напугал ты меня своею холодной смертью, Воскобойников, нет, милый, я поеду умирать в Сочи к племяннику, там климат субтропический, земля теплая, мои кости не любят холода. Опять плохо спал, стакан водки на ночь уже не спасает.

Входит адъютант со стаканом чая.

Адъютант. Разрешите обратиться, товарищ полковник?

Полковник. Обращайся.

Адъютант. Такого чрезвычайного происшествия у нас никогда не было.

Полковник. Ну-к, порадуй старика.

Адъютант. В пятой роте, как бы это вам сказать...

Полковник. Иди думай.

Адъютант. Сейчас соберусь с мыслями...

Полковник. Кругом! Шагом-арш! Чай оставь.

Адъютант разворачивается, уходит.

Полковник. Сорок лет в армии... жизнь пролетела, как неделя отпуска... нет, я не жалею.

Входит адъютант.

Адъютант. Разрешите доложить?

Полковник. Валяй.

Адъютант. В пятой роте рядовой Лебедушкин превратился в девушку.

Полковник. Повтори, я не расслышал.

Адъютант. В пятой роте рядовой Лебедушкин превратился в девушку.

Полковник. В каком смысле?! Я не понимаю, что ты за ахинею несешь?

Адъютант. Вот я и говорю... в голове не укладывается, а язык не поворачивается... был солдат как солдат, а сегодня повели мыть роту в баню, а он уже не солдат, а барышня, баба. Мужское достоинство отсутствует напрочь!

Полковник. А что имеется в наличии?

Адъютант. Женское достоинство, товарищ полковник. Грудь и все остальное, как полагается, ну и добавьте сюда соответствующие пропорции тела и сопрано.

Полковник. То есть солдат срочной службы превратился в женщину?

Адъютант. Так точно!

Полковник. В красивую или так себе?

Адъютант. Очень даже ничего.

Полковник. Тебе рассказывали или ты сам видел?

Адъютант. И то и другое.

Полковник. В молодую или зрелого возраста?

Адъютант. В молодуху!

Полковник. Может быть, ты это в переносном смысле? Был мужественный, храбрый солдат, а теперь трусит и все в таком духе?

Адъютант. Никак нет! В прямом смысле!

Полковник. Дурак, пошел вон отсюда! Нашел кого разыгрывать!

Адъютант. Хотите побожусь? Ох, грех на душу беру! Христом Богом клянусь, что в пятой роте рядовой

Лебедушкин, бритый наголо, превратился в красивую девушку лет девятнадцати, с причёской. Вот вам крест!

Полковник. Где?

Адъютант. За дверью ждёт.

Полковник. Валяй!

*Адъютант уходит.
Возвращается с девушкой.*

Девушка. Товарищ полковник, рядовой Лебедушкин по вашему приказанию прибыл!

Полковник. Не тот ли это рядовой Лебедушкин, который кинул из траншеи боевую гранату аж на восемь метров и чуть не погубил все отделение, чем и прославился?

Адъютант. Так точно.

Полковник. Похож. Лебедушкин, это ты?

Девушка. Так точно, товарищ полковник, это я.

Полковник. Чей ты?

Девушка. Пятая рота.

Полковник. Багаева ко мне!

Адъютант. За дверью ждёт.

Адъютант уходит, возвращается с капитаном Багаевым.

Багаев. Капитан Багаев по вашему приказанию прибыл.

Полковник. Твой боец?

Багаев. Так точно, товарищ полковник.

Полковник. Говори, не молчи! Спасай шкуру.

Багаев. Вот что стало с бойцом, вернее то, что от бойца осталось.

Полковник. И это все, что ты можешь сказать?

Багаев. Так точно.

Полковник. Все у тебя, капитан, не слава богу. Когда призван на воинскую службу?

Девушка. Весной этого года.

Полковник. Откуда?

Девушка. Из Москвы. Сокольнический военный комиссариат.

Багаев. Сам забирал из призывного пункта. Был парень.

Полковник. А мне собирались дать дивизию, не видать мне генеральских погон как своих ушей.

Багаев. В вверенной мне роте нарушений устава не было. Призывник прошел две медицинские комиссии, имеется медкарта.

Полковник. Начальника медсанчасти!

Адъютант. За дверью. Ждет. Секунду.

Адъютант уходит, возвращается с военврачом Морозовым.

Морозов. Здравия желаю, товарищ полковник.

Полковник. Ты уверен, что это наш солдат, а не прибудившаяся из окрестных мест овца?

Морозов. Абсолютно уверен.

Полковник. Можешь дать естественно-научное объяснение происходящему?

Морозов. В природе существует рыбка-тупорылка, которая меняет пол раз в три минуты, однако у млекопитающих, в том числе у солдат, подобного феномена не наблюдалось. Надо доложить в Москву, в министерство обороны.

Полковник. погоди ты в Москву! Только прыщ выско-чит на одном месте — сразу в Москву.

Адъютант. Вот именно!

Полковник. Скажите, у вас до службы в армии не было гомосексуальных наклонностей?

Девушка. Никак нет.

Полковник. Девушка есть на гражданке?

Девушка. Вчера получил последнее письмо, зовут Машей.

Полковник. И ты ее любишь?

Девушка. Мне не хочется об этом рассуждать, это интимный вопрос.

Полковник. То есть метаморфоза произошла за одни сутки?

Багаев. Так точно, он еще вчера в строю стоял на вечерней поверке.

Полковник. Хорошо, однако, получается, забрали у родителей здорового мальчика, а возвращаем существо другого пола, я представляю, какой будет скандал.

Девушка. Отца у меня нет, а мама не очень расстроится, она всегда хотела девочку, товарищ полковник, отпустите меня домой!

Полковник. А сам-то ты что думаешь насчет своего перерождения, Лебедушкин?

Багаев (*с издевкой*). Лебедушкина Коля.

Полковник. Закрой рот, Багаев.

Девушка. Я полагаю, что у меня не было другого выхода.

Полковник. То есть ты это совершил сознательно?

Лебедушкин. Позавчера капитан Багаев приказал на меня надеть мокрое белье и отправить в караул! А между прочим, метель на дворе.

Багаев. Сам виноват, спит на посту, хоть убей, вот мы ему намочили рейтузы, не то чтобы сильно, а так, слегка, чтобы бодрило.

Полковник. То есть вы, рядовой Лебедушкин, хотите сказать, что если в мокрых рейтузах солдат выйдет в караул, то он всенепременно станет девушкой?

Лебедушкин. Никак нет, я вовсе не поэтому стал девушкой, что эти мерзавцы издеваются надо мной.

Полковник. А почему?

Лебедушкин. Я художник, артист, я не могу жить в казарме, я задыхаюсь, я умираю, мне необходима творческая атмосфера.

Багаев. Закончил один курс театрального училища, мнит себя гением, несмотря на то что его оттуда с позором выперли!

Лебедушкин. Мне необходимы свобода и одиночество, как всякому человеку, обладающему минимальным самосознанием. И проблема не в том, что старослужащие с молчаливого одобрения капитана Багаева издеваются надо мной и заставляют зубной щеткой чистить туалет, что в караул на меня надевают мокрое белье, что мой непосредственный начальник, стоящий здесь рядом с нами, есть садист и выродец рода человеческого.

Полковник. Так в чем же дело?

Лебедушкин. В том, что я не представляю себе жизни без творчества. Я симулировал дизурию, шизофрению, глотал иголки, пил йод, чтобы поднять температуру тела, но меня все равно признали годным к строевой службе.

Морозов. Так точно, три месяца из шести пролежал в медсанчасти на обследовании, признан годным.

Лебедушкин. Даже если у меня не будет обеих рук и обеих ног, они все равно признают меня годным к службе и вернут в казарму, так что у меня остался только один выход — стать девушкой. Теперь никто не скажет... иди, Коля, служи, защищай Родину. Я хочу домой, отпустите меня домой, товарищ полковник.

Полковник. То есть ты хочешь сказать, что стал бабой сознательно?

Лебедушкин. В каком-то смысле.

Морозов. Я на своем веку знал разных симулянтов, но такого я не видал никогда!

Багаев. А что я мог поделать?! Я бился об этого интеллигента как рыба об лед!

Лебедушкин. Я задыхаюсь, я медленно умираю, я не мыслю себя вне театра, отпустите меня домой.

Полковник. Никуда мы тебя не отпустим, Коля, я лично займусь твоим воспитанием! Я из тебя, Лебедушкин, сделаю мужчину! Тобой Родина гордиться будет!

Адъютант. В казарму его в таком виде возвращать нельзя!

Багаев. Испортят девку.

Полковник. Жить будет в клубе.

Адъютант. Клуб пятый год стоит на ремонте.

Полковник. Вот и замечательно. Обеспечить формой одежды, кроватью, одеялом, тумбочкой для личных вещей и трехразовым питанием. Кто-нибудь знает о случившемся?

Адъютант. Никто, кроме здесь присутствующих.

Полковник. И чтобы никому ни слова. Слабый ты стал офицер, Багаев, не можешь справиться с москвичом, интеллигентом. А я хотел тебя представить к повышению.

Багаев. Получается, мне в капитанах всю жизнь ходить?

Полковник. Пока капитанские звездочки на погонах не завоняют!

Багаев. Ну, держись у меня, Коля Лебедушкин, я тебе устрою праздничную жизнь!

Лебедушкин. Каждая несовершенная душа сама в себе несет свое наказание. Мне вас жалко!

Полковник. В этом парне что-то есть! Иди в роту и команду, капитан. Все свободны. Ювачев, останься.

Адъютант. Есть.

Все, кроме адъютанта, уходят.

Полковник. Ненавижу северо-западный ветер.

Адъютант. Почему?

Полковник. От свиарника ужасное амбре, мозги сводит. Поселить интеллигента в клуб, обеспечить трехразовое питание, составить расписание занятий — строевая, боевая тактика, устройство па-

рашюта и прочее. И чтобы ни одна живая душа не узнала о происшедшем.

Адъютант. Есть, товарищ полковник!

Полковник. Машину на выезд, поедем на аэродром, посмотрим, как идет ремонт взлетно-посадочной, заодно подышим свежим воздухом.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Клуб воинской части после незавершенного ремонта: зрительские ряды сняты и свалены в углу, на сцене стоит железная кровать и тумбочка. На солдатской кровати лежит девушка в платье и читает книгу. Входит адъютант Ювачев.

Адъютант. Встать, смирно!

Лебедушкин. Что вы кричите как резаный, так можно и зайкой на всю жизнь остаться!

Адъютант. Встать, смирно! Да пошевеливайся ты!

Лебедушкин. Боже мой, как вы мне все надоели, одну минуточку подождите, сейчас сделаю закладку.

Входит полковник.

Адъютант. Смирно!

Лебедушкин. Здравия желаю, товарищ полковник!

Полковник. Что это?

Лебедушкин. Вы о чем, товарищ полковник?

Полковник. Откуда это миленькое платьице, Лебедушкин?

Лебедушкин. Сама себе пошила. Нашла три метра синего сатина, постирала, высушила и сшила себе платье, я чувствую себя в нем превосходно! Мне надоело таскать солдатскую робу.

Полковник. Коля, Коля, Коля! Как же тебе не совестно, ты же солдат русской армии.

Лебедушкин. Меня зовут Наташей. С вашего позволения.

Полковник. И как давно?

Лебедушкин. Со вчерашнего вечера. Я взяла себе имя Натальи в честь моей бабушки, Натальи Аркадьевны урожденной Шевчик. Я девушка восемнадцати лет и не подлежу призыву на действительную воинскую службу. Пожалуйста, отпустите меня домой. Извините, я устала стоять навытяжку, у меня спина занемела (*присаживается, поправляя подол*).

Адъютант. Смирно!

Лебедушкин. Извините, но я присяду с вашего позволения, у меня сегодня недомогание, ужасно кружится голова.

Адъютант. Встать!

Лебедушкин. Вы не поверите, товарищ полковник, но то, что я сейчас скажу, это чистая правда! Ко мне пришли больные дни! Спина отваливается!

Полковник. Военврач Морозов прав, таких симулянтов белый свет не видывал! Это ж надо такому случиться! У солдата менструация! К солдату срочной службы пришли месячные!

Адъютант. Я в училище бежал кросс со сломанной рукой! Встать!

Лебедушкин. Я также раньше думала, что пустяки, никакие не пустяки, вот вам бы один разок помучиться, тогда бы поняли, что значит требовать невозможного. Встать не могу.

Адъютант. Я его силой подниму!

Полковник. Не трогай... не надо. Тогда, мадам, я с вашего позволения тоже присяду. Мне как-то неловко стоять перед вами, все-таки я старше по возрасту и по званию.

Лебедушкин. Будьте любезны, мсье, присаживайтесь, окажите такую любезность!

Полковник. Благодарю. Пахнет кофе? Не так ли?

Лебедушкин. О да.

Полковник. Откуда этот чарующий запах?

Лебедушкин. Из железной кружки, это мой кофе.

Полковник. Откуда он у вас?

Лебедушкин. Арабика, лучший сорт, я сохранила его чудом, грамм сто. Кстати, как вам сегодняшняя погода?

Полковник. То есть солдат весь день-деньской лежит на тахте, пьет кофе и читает (*рассматривает книгу*) Поля Элюара.

Лебедушкин. И еще пишу пьесу. Вот рукопись.

Полковник. Ты, Николай, еще и писатель.

Адъютант. Такого солдата я вижу впервые.

Лебедушкин. Я не солдат, я художник. Может быть, даже гений!

Полковник. Мало что мадам! Да еще и гений к тому ж!

Адъютант. Гениальная баба!

Лебедушкин. Не в том смысле, что я законченный, готовый гений, как Пикассо, или Писсаро, или Толстой, или Оливье. Я хочу сказать, что я чувствую свой гений и у меня есть свой долг перед ним!

Полковник. Так кто же перед нами? Актриса или писатель?

Лебедушкин. Когда-нибудь я стану великой актрисой! А если моя мечта о театре не сбудется, я стану писательницей, или пианисткой, или, на худой конец, художницей. Но как бы там ни сложилось, я обязательно буду заниматься искусством!

Полковник. Артистический талант у тебя, Лебедушкин, бесспорно, присутствует. Даром перевоплощения ты обладаешь в полной степени, мы тому живые свидетели.

Лебедушкин. Это не дар перевоплощения, это скорее искусство выживания.

Полковник. А известно ли тебе, Николай...

Лебедушкин. Я устала повторять... меня зовут Наташей.

Полковник. Хорошо... известно ли вам, Натали, что подавляющее большинство великих были мужчинами, например Станиславский, Немирович-

Данченко, Шекспир, среди композиторов вообще нет женщин, лучшие писатели и артисты — тоже мужчины.

Лебедушкин. Ложь, созданная мужчинами ради осознания собственного мифического превосходства.

Полковник. Одним словом, я считаю необходимым вернуть вас в первоначальное природное состояние, более того, вижу в этом свой долг перед мировым искусством.

Адъютант. Занятия будут проходить под моим личным руководством в ночное время подальше от солдатского глаза, ежедневно. Завтра... кросс, строевая, огневая, химзащита, спортчас.

Лебедушкин. У меня нет времени на пустяки.

Полковник. Неужели?

Лебедушкин. Да, да, у меня дел по горло.

Полковник. Каких именно?

Лебедушкин. Премьера спектакля на носу.

Адъютант. Какого еще спектакля?

Лебедушкин. Обыкновенного.

Полковник. И где же состоится спектакль?

Лебедушкин. Вот здесь на этой сцене! Я уже начал репетировать. Кстати, у вас хоть и маленькая, но хорошая сцена, здесь даже есть свет, полупрофессиональный, но все равно годится. Есть и магнитофон, и даже крошечная фонотека. Правда, в труппе всего лишь одна актриса, но это неважно, скоро премьера, и я вас приглашаю.

Полковник. Когда премьера?

Лебедушкин. Через десять дней.

Полковник. И что, отложить нельзя?!

Лебедушкин. Ни на один день!

Полковник. Что, будете представлять «Ромео и Джульетту»?

Адъютант. «Дядю Ваню»!

Лебедушкин. Спектакль называется «Озельма — король пчел».

Полковник. Я не знаю такой пьесы.

Лебедушкин. Пьеса моего собственного сочинения.

Полковник. Ах да, я совсем забыл, вы еще и писательница!

Лебедушкин. Я, кстати, и рисую неплохо, и еще пою.

Адъютант. А вышивать не пробовал, Коля? На пальцах?

Полковник. Через десять дней премьеры. Да-с. Любопытно.

Адъютант. Можно попросить контрамарочку?

Лебедушкин. Билеты не продаются, приходите так, сыграю за аплодисменты.

Полковник. Внеси изменение в расписание занятий — не один, два кросса в день... по пересеченной местности.

Адъютант. С полным боекомплектом!

Лебедушкин. Товарищ полковник, из меня солдата не получится, ну, вы посмотрите, ну какой я солдат, меня же убьют в первом же бою, и не пулей, а просто так, из-за моей собственной нерасторопности. Я не смогу защитить Родину, отпустите меня домой, пожалуйста, Андрей Исаевич, отпустите.

Полковник. В таком виде не могу, меня из армии уволят, а я, между прочим, отдал армии сорок лет жизни. А платице завтра переодень, испачкаешь, уж больно хорошее платице.

Полковник и адъютант уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ночь. Клуб. Сцена.

Лебедушкин спит в своей железной солдатской кровати.

Приближаются чьи-то шаги. Появляется полковник

Кинчин.

Полковник. Подъем, тревога!

Лебедушкин. За что мне это наказание, боже мой, будить человека среди ночи, когда душа купается в эфире!

Полковник (*смотрит на часы*). Время пошло, а ну-ка пошевеливайся, Лебедушкин, осталось тридцать пять секунд. Энергичней, еще быстрее, постарайся уложиться в норматив!

Лебедушкин. Я не могу так быстро, как бы вам хотелось! Мои глаза не видят, руки-ноги спят.

Полковник. Пошевеливайся! Тревога!

Лебедушкин. Что вы кричите, три часа ночи... мама, как хочется спать. Если жизнь — это сон, я хочу жить.

Полковник. В норматив не уложился. Отбой. Будем тренироваться.

Лебедушкин. Вы пьяны, товарищ полковник, от вас разит перегаром. Судя по выражению вашего лица, вы пили в полном одиночестве! Ночью! Красноречивый факт. Что вам не спится?

Полковник. Меня мучает совесть.

Лебедушкин. Наконец-то! Быть того не может! А мне казалось, что у вас нет чувства сострадания.

Полковник. Я не мог заснуть, мне не давал покоя ужасный вопрос... а вдруг ты на самом деле гений! Прочти мне свою пьесу.

Лебедушкин. Она вам покажется скучной.

Полковник. Однако вы низкого мнения обо мне, мадам. Сяду в кресло, буду пить кофе и слушать пьесу. Читайте, Наталья... как вас там по отчеству? Побалуйте старшего по званию одной чашечкой кофе.

Лебедушкин. Наталья Сергеевна.

Полковник. Сделайте милость, Наталья Сергеевна. Ужасная погода, метель воет как зарезанная. Если вы мне не станете читать вашей пьесы, Наталья Сергеевна, мы тотчас пойдём окапываться, в мерзлой земле, до восхода солнца!

Лебедушкин. Моя дорогая, любимая мама. Сегодня в три часа ночи меня подняли по тревоге для того, чтобы я прочитал несколько строк из последнего! Мама, когда я вернусь домой, я буду спать много недель подряд, я хочу видеть сны во снах и, погрузившись в царство Морфея, пить тишину, как воду, большими глотками! Только пообещайте, товарищ полковник, что, когда я закончу читать, вы уйдете, а я лягу спать.

Полковник. Клянусь складом арттехвооружения!

Лебедушкин. Ну, хорошо, вы сами напросились. Но я предупреждаю: пьеса сложная.

Полковник. Не пугайте нас, Аделаида Афиногеновна, мы пуганые, как-никак три войны прошли.

Лебедушкин. Ну, смотрите, товарищ полковник, сами напросились.

Полковник. Я готов, Серафима Спиридоновна, так начнем же! И все-таки кофейком не побалуете?

Лебедушкин. Только одну чашку... я экономлю. Можете называть меня как угодно, я на вас не обижаюсь.

Полковник. Буду пить мелкими глоточками.

Лебедушкин. Это не пьеса даже, а лишь всего-навсего один монолог, чтобы вам, прошедшему три войны, было понятно, я предваряю прочтение небольшим либретто... то есть расскажу краткое содержание.

Полковник. Будьте так любезны, сударыня.

Лебедушкин. Итак, действие пьесы происходит частично в околопланетном эфире, частично в царствии небесном.

Полковник. Я так и предполагал.

Лебедушкин. Что, уже неинтересно, да?

Полковник. Нет, продолжайте, милая, продолжайте... прекрасно... прекрасно... не всем же грязь месить на этой грешной земле!

Лебедушкин. Действующие лица: Озельма — царь пчел, Сольминор — красавица, заблудившаяся в косми-

ческой беззвездности. Все остальные сущности невидимы. Итак, на некую планету Алькан спускается Сольминор. Она пьет росу, она питается утренней прохладой...

Полковник. Как моя Оля, она съедала на завтрак одну печенюшку с маслом и запивала полчашкой чая, очень боялась поправиться. Я ей говорю: «Оленька, если ты будешь так есть, ты в этом климате не выдержишь».

Лебедушкин. Итак, Озельма видит на поляне Сольминор, пьющую росу, и влюбляется в нее.

Полковник. Мы тоже познакомились в кафе, я был курсантом, меня отпустили в увольнение... вдруг оборачиваюсь и вижу... красавица, какой не видывал белый свет, ест мороженое. У меня сердце остановилось! Оно не билось, пока я не сказал ей свои первые слова. А что я сказал? Уже не помню.

Лебедушкин. Сольминор влюбляется в короля пчел, и у них начинается бурный роман.

Полковник. Мы из гостиницы не выходили четыре дня, мы не спали, не ели, любили друг друга, как сумасшедшие.

Лебедушкин. Может быть, вы поговорите, а я помолчу, послушаю?!

Полковник. Все... все, Артемида Прокопьевна, я умолкаю навеки!

Лебедушкин. Король пчел и Сольминор нашли друг друга на планете Алькан и отправились на необитаемую планету Лимур для того, чтобы остаться наедине, там они себе свили гнездо.

Полковник. Если б в жизни так быстро решался квартирный вопрос, мы двенадцать лет по углам скитались с двумя детьми... давай, валяй, не молчи.

Лебедушкин. Они жили счастливо и все свободное время танцевали танго серебряных журавлей...

Полковник. Оля заведовала этим самым клубом... она попросила меня сделать ремонт, занавески пове-

сила... привезла их аж из Москвы... сама выбирала, ничего не скажешь, у женщины есть вкус... Надоела ей армейская жизнь. Я ее понимаю: тридцать лет со мной по гарнизонам. Все, замолкаю навеки!

Лебедушкин. Вдруг на планету Лимур явился Ангел зла, Черный ангел.

Полковник. Ага. Понятно. Ангел зла.

Лебедушкин. Увидев прекрасную Сольминор, Ангел зла преобразается в прекрасного юношу, он пытается соблазнить Сольминор.

Полковник. Я тоже думал, что у нее есть кто-то в Москве. Ничего подобного, ей надоело жить в этой дыре, ей было одиноко, я служил по двадцать часов в сутки, а она была предоставлена сама себе, а женщине нужно внимание, она собрала вещи, взяла детей и уехала.

Лебедушкин. Сольминор не поддалась чарам Черного ангела, и тогда Черный Ангел убивает короля пчел.

Полковник. Я хотел убить этого человека, но его в природе не существовало, не было никакого романа!

Лебедушкин. И тогда над телом короля пчел Сольминор читает свою молитву. И моя пьеса и есть, по сути дела, эта молитва... один монолог.

Полковник. Читай свой монолог.

Лебедушкин. Это перформанс, ритуал, литургия, прощание с возлюбленной душой. Это действие. Один текст ничего не даст. Без костюмов, без декораций, без музыки — это бессмысленное занятие.

Полковник. Читай.

Лебедушкин.

Ты умер,
Твои глаза жадно глотают тьму,
Как две цапли воду после долгого перелета через пустыню.

Ты оглох,
Ты ослеп,

Потерял сознание и речь.
Таковы правила предстоящего путешествия!

Полковник. Символизм! Заумь! Болотный газ!
Лебедушкин.

Два миллиарда лет назад Господь обрел этот мир,
Мир Господний обрел твою душу,
Твоя душа обрела дух, а значит, она бессмертна,

Ибо дух есть тот неизменный порядок души,
Который не способна изменить вечно гниющая,
Зловонная и серная вечность.

Полковник. Ого! Гниющая вечность!

Лебедушкин.

Я один знаю формулу твоего духа:
Это сладкие, как любовь, вечно осыпающиеся цветы.

Это апельсиновое солнце и запах жженого сахара,
Подгоревшего на большой столовой ложке,
И ангелы, рассыпающие между звезд соловьиные трели...

Полковник. Стоп машина!

Лебедушкин. Я еще не закончила!

Полковник. Ты, Лебедушкин, будешь один играть этот
сивый бред перед пустым залом?!

Лебедушкин. Да! Одна пред всей вселенной.

Полковник. Наталья Сергеевна, вы таки дама не от мира
сего, вы не человек, вы существо.

Лебедушкин. Но это лучше, чем пить ночью... одному!

Полковник. Ладно, я пошел, моя совесть чиста. Ты не ге-
ний. Будем учиться окапываться. Завтра! Будешь
защищать Родину!

Лебедушкин. Но войны-то нет!

Полковник. Неважно! Будет. Когда-нибудь обязательно
начнется война!

Лебедушкин. Спокойной ночи, товарищ полковник.

Полковник. Спокойной ночи, Лебедушкин.

Лебедушкин. Спать, спать, спать!

Полковник. Где они?!

Лебедушкин. Что случилось?

Полковник. Где занавески?

Лебедушкин. Какие занавески?

Полковник. Что висели здесь в клубе на окнах, которые из Москвы привезла моя Оля!

Лебедушкин. Я сняла их.

Полковник. Зачем?

Лебедушкин. Раскроила, из них я пошью костюмы для спектакля.

Полковник. Что? Занавески, которые купила моя Оля?! Да это все, что от нее осталось. Ты что, думаешь, я пришел слушать бред умалишенного симулянта? Я пришел посмотреть на занавески! Где они? Где мои занавески?

Лебедушкин. Я пошила из них костюмы. Один закончила, другой в работе. Костюмы для спектакля!

Полковник. Какого спектакля?

Лебедушкин. «Озельма — король пчел».

Полковник. Я хочу их видеть!

Лебедушкин. Одну секунду, сию минуту!

Лебедушкин приходит в костюме.

Полковник. Но занавесок было восемь штук!

Лебедушкин. Но они были узкие, всего тридцать сантиметров шириной! Часть ткани ушла на палантин. Одна занавеска осталась, но я сняла ее с окна, чтобы не спрашивали, где остальные.

Полковник. Двадцать пять нарядов вне очереди! В свинарник, к свиньям, выгребать дерьмо из-под свиней!

Лебедушкин. Я очень вас прошу, не надо в свинарник!

Полковник. До конца службы к свиньям, на ферму!

Лебедушкин. Я согласна, занавески были изумительные, но посмотрите мой спектакль, в костюмах, с музыкой и со светом, и тогда вы поймете, что жертва не была напрасной!

Полковник. Дело не в свиньях, как ты сам понимаешь. Есть еще одно обстоятельство в этом деле, а именно — свинарь. Он в два раза тяжелее любого борова и в два раза похотливей, может быть, наконец он перестанет заниматься рукоблудием?! Так что быть тебе свинаркой, Коля! Может быть, мы и свадьбу сыграем.

Лебедушкин. Я заклинаю вас, я умоляю вас! Не надо на ферму! Дайте мне шанс, позвольте мне сыграть спектакль!

Полковник. Хорошо, сыграй! Я посмотрю! Но если спектакль плохой, я сдержу свое слово!

Лебедушкин. Дайте скорее спички!

Полковник. Зачем?

Лебедушкин. Мне нужно сделать грим, мне нужна сажа, я подожгу бумагу!

Полковник (*бросает спички*). Мои занавески!

Лебедушкин. Погодите одну минутку! Я так волнуюсь.

Полковник. Еще бы!

Лебедушкин. Я даже перед поступлением в школу-студию МХАТ так не волновалась.

Полковник. Такой омерзительной рожки, как у вашего жениха, Наталья Сергеевна, я отродясь не видывал, у него под ногтями грязь всей вселенной, все черви этого мира, вся флора и фауна! От этого вашего будущего супруга воняет так, что свиньи падают в обморок, и нашатырь не в состоянии воскресить их обморочные души. Еще бы тут не волноваться! Я поэтому и направил его в свинарник, что от де-сантника не может так вонять.

Лебедушкин. Одну секунду, я поставлю свет.

Полковник. Мне уже не нравится ваш спектакль.

Лебедушкин. Не торопитесь, мне кажется, что вы человек большого вкуса.

Полковник. Ну, долго ждать?.. Мои занавески!

Звучит музыка, с рампы падает свет, Лебедушкин играет спектакль в костюме и с музыкальным сопровождением.

Лебедушкин.

Ты умер.

Твои глаза жадно глотают тьму,

Как две цапли воду после долгого перелета через пустыню.

Ты оглох.

Ты ослеп,

Потерял сознание, речь и память.

Таковы правила путешествия.

Два миллиарда лет назад Господь обрел этот мир,

Мир Господний обрел твою душу,

Твоя душа обрела дух, а значит, она бессмертна!

Ибо дух есть тот неизменный порядок души,

Который не способна изменить вечно гниющая,

Зловонная, серная вечность.

Я один знаю формулу твоего духа:

Это сладкие, как любовь, вечно осыпающиеся цветы,

Это апельсиновое солнце и запах жженого сахара,

Подгоревшего на большой столовой ложке,

И ангелы, рассыпающие меж звезд соловьиные трели.

Твое тело будет предано земле и огню,

Оно сгорит, оно распадется на атомы.

Но это не страшно, ибо тело есть только кокон,

А душа твоя есть бриллиантовая стрекоза.

Она освободится от кокона и будет сорок дней

Парить в околосемном эфире,

Слушая о любви к тебе,
Собирая силы для будущего путешествия.

Она полетит к своей новой жизни, пересекая океаны времени,
И скоро твоя постоянная душа
Достигнет суши, и начнется новая жизнь!

Твои глаза, вдоволь напившиеся тьмы,
Снова распахнутся. Навстречу солнечному свету
Ты побежишь босыми ногами по росе.

Полковник. В свиарник!

Лебедушкин. Неотесанный сапог!

Полковник. Молитесь, Наталья Сергеевна, теперь вы
не солдат, не дама и не актриса, вы свиарка! Ваш
муж еще спит и даже не догадывается о своем сча-
стье!

Лебедушкин. Вы человек далекий от искусства и ничего
не понимаете! Это прекрасный спектакль! У вас
не хватило терпения досмотреть до финала!

Полковник. Ни действия, ни характеров, ни сюжета!
Пустота!

Лебедушкин. В этом жанре они и не нужны, это перфор-
манс!

Полковник. В свиарник! Плохой спектакль.

Лебедушкин. Прекрасный спектакль!

Полковник. Ты сильно оторвался от жизни, Коля, надо
идти в жизнь... в народ, начнем с сельского хозяй-
ства.

Лебедушкин. Вы не разбираетесь в искусстве!

Полковник. Я понимаю в театре не меньше твоего, го-
товься к свадьбе!

Лебедушкин. Откуда понимаете?

Полковник. Я из той породы людей, которые умеют мыс-
лить, и поэтому добиваются успеха во всем, за что
бы ни взялись! Если бы я был политиком — стал

бы президентом, если бы я был столяром — обязательно стал бы краснодеревщиком, я выбрал службу — и выслужился до полковника, и это не предел, я жду повышения и буду генералом, но если бы я играл на сцене — я бы стал великим артистом. Я так устроен, я победитель. Я родился под восходящим Плутоном!

Лебедушкин. Пьяное бахвальство, никто не знает, какой из вас получился бы актер.

Полковник. Большой актер!

Лебедушкин. Хвастовство!

Полковник. Я честолюбив, я стал бы лучшим среди лучших!

Лебедушкин. В этом деле честолюбия мало, нужен талант!

Полковник. Талантливый человек талантлив во всем.

Лебедушкин. Хорошо, давайте попробуем, я дам вам роль, нашему театру как воздух нужны хорошие актеры! Это все одно лучше, чем по ночам пить водку.

Полковник. Твою пьесу я не стал бы играть под угрозой смерти, даже если бы меня приказали четвертовать! Жеманство, глупость, бессмыслица, кривляние. Вам, госпожа свинарка, писать не надо, у вас к этому способностей нет.

Лебедушкин. Пожалуйста, перед вами весь мировой репертуар, выбирайте. А что бы вы сыграли?

Полковник. Шекспира. Хороший автор.

Лебедушкин. Хороший автор, но очень уж потертый и потрепанный, похоженный и поезженный, поигранный и переигранный.

Полковник. Ого!

Лебедушкин. И что бы вы посоветовали из Шекспира?

Полковник. Возьми любую пьесу.

Лебедушкин. «Отелло» очень подходит для нашего дуэта. Вы Мавр, я Дездемона. Налицо разница

в возрасте. Он — военный, почти генерал, это вам близко, она — девушка, сыграем одну сцену минуты на три, посмотрим, какой вы гений.

Полковник. Хорошо, Коля, я дам тебе пару уроков актерского мастерства.

Лебедушкин. Даете слово?

Полковник. Слово офицера.

Лебедушкин. Минутку, я сейчас.

Полковник. Куда ты?

Лебедушкин. За томиком Уильяма. В библиотеку.

Полковник. Но у тебя нет ключа.

Лебедушкин. Я приспособилась открывать дверь двумя иголками.

Полковник. Экая вы медвежатница, Евфросия Федуловна.

Лебедушкин. Любовь к литературе делает чудеса, клуб и библиотека через стенку, как я мог удержаться!

Лебедушкин уходит.

Полковник. Черт меня побрал, зачем я дал слово офицера! Ну да ладно! Мы и не в таких переделках бывали.

Приходит с книгой Лебедушкин.

Лебедушкин. Вот книга. Сыграем один фрагмент. Я знаю эту пьесу почти наизусть, на втором курсе репетировал Яго. Читайте, я буду иногда к вам заглядывать.

Полковник. Кому сказать, не поверят: командир части, гвардии полковник, ночью, при свечах, репетирует Отелло! С кем? С военнотружущим первого года службы, желторотиком, симулянтот, не сумевшим бросить гранату от себя на двадцать шагов.

Лебедушкин. Кому сказать, не поверят: я репетирую роль Дездемоны. Но с кем я репетирую? С командирот части, ночью, при свечах!

Полковник. За что же тебя выгнали?

Лебедушкин. Я сказал то, что думаю, одному влиятельному человеку.

Полковник. А именно?

Лебедушкин. Что спектакль, который он поставил, есть фальсификация искусства, подлог, более того, я сделал это в оскорбительной форме.

Полковник. Тяжелый у вас, однако, характер, Наталья Сергеевна.

Лебедушкин. И у вас тоже непростой.

Полковник. Я никогда не репетировал. Говорите, что делать.

Лебедушкин. Сначала читаем кусок по очереди. Я и вы. Знаете, что такое театр?

Полковник. Откуда мне, сиволапому?

Лебедушкин. Это место, где люди ходят по сцене и говорят по очереди. Говорите.

Полковник (*держит в руках книгу и читает с листа*).

Таков мой долг. Таков мой долг. Стыжусь

Назвать пред вами девственные звезды...

Лебедушкин. Итак, пошли дальше. Отелло... Целует Дездемону.

Полковник. И что это значит? Что я должен буду тебя поцеловать?

Лебедушкин. Разумеется.

Полковник. Нет, давай поищем другой отрывок, где Отелло не целует Дездемону.

Лебедушкин. В том, что вы поцелуете меня, ничего страшного нет, во-первых, это условность, это игра, это искусство, а во-вторых...

Полковник. Я терпеть не могу, когда мужчины целуются, это достаточно противная штука!

Лебедушкин. Устал повторять: я — девица.

Полковник. Нет, нет, давайте возьмем другую сцену.

Лебедушкин. Хорошо, сцена вторая... страница тридцать вторая, начинаю я.

Полковник. Валяйте!

Лебедушкин (за Дездемону):

Ты звал меня?

Полковник (за Отелло):

Да, подойди поближе.

Дездемона

Что ты желаешь?

Отелло

Прямо посмотреть в глаза тебе.

Дездемона

Что хочешь ты накликать?

Взываю на коленьях, объясни,

Что это значит? До меня доходит

Какой-то ураган в твоих словах,

Но не слова.

Отелло

Кто ты?

Дездемона

Твоя супруга,

Тебе и долгу верная жена.

Отелло

Попробуй подкрепить все это клятвой,

И душу в тот же миг свою стуби.

Решись поклясться, что не изменила.

Дездемона

Клянусь, и это знают небеса.

Отелло

Они тебя изменницею знают.

Дездемона

Кому я изменяла, с кем, когда?

Отелло

Нет, Дездемона, прочь! Пора! Развейся!

Лебедушкин. Куда вы рветесь, Андрей Исаевич, что вы таращите глаза! Еще рано играть, еще надо думать о результате.

Полковник. Мне понравилась игра, она меня захватила, кажется, я уже вхожу в образ!

Лебедушкин. Что искусство делает с людьми!

Полковник. Ваша очередь.

Дездемона

Ужасный день. Ты плачешь? Отчего?

Скажи мне, я ли этих слез причина?

Ты, верно, думаешь, что мой отец

Виновен в том, что ты отозван с Кипра?

Все может быть, но ведь терплю и я,

Он также и от меня отрекся.

Отелло

Пусть я в чем-то бога прогневил...

(Отелло плачет)

Лебедушкин. Что случилось? Почему вы остановились?

Полковник. Одну секундочку. Так значит, здесь я должен заплакать?

Лебедушкин. Да, Отелло в этом месте плачет.

Полковник. Давайте, Наталья Сергеевна, возьмем какой-нибудь другой отрывок.

Лебедушкин. Что вам не понравилось на этот раз?

Полковник. Я не буду плакать.

Лебедушкин. Почему?

Полковник. Я не плакал, когда хоронил мать, не плакал, когда под Пандшером моего самого близкого друга

разнесло минометным снарядом в клочья. Я не буду плакать. Возьмем другой отрывок.

Лебедушкин. Сколько можно скитаться по пьесе?! Здесь он не может заплакать, потому что он настоящий мужчина. Там он не может поцеловать Дездемону, потому что он не в состоянии отличить юношу от девушки! Отелло тоже мужчина, и, между прочим, не полковник, как некоторые, а генерал! Ан смотри... ничего... пролил слезу.

Полковник. Он мавр, он чернокожий, он южный человек, а я вырос на Севере.

Лебедушкин. И что, мужчины на Севере не плачут?

Полковник. У нас не принято.

Лебедушкин. Но вы играете мавра, а не самого себя!

Полковник. Я про то же, давай поищем другой отрывок.

Лебедушкин. Нет, мы остаемся в этом месте. Я буду держаться зубами за этот клочок земли. Ни шагу назад. Мы все умрем, но не отступим!

Полковник. Другой отрывок!

Лебедушкин. Когда вы поймете, почему мавр плачет, для вас не будет большой трудностью заплакать.

Полковник. И почему он плачет?

Лебедушкин. Потому что он теряет свою возлюбленную, он это чувствует, как медленно, но верно счастье ускользает от него.

Полковник. Я тоже потерял свою возлюбленную, с которой счастливо прожил всю жизнь, но я не плакал.

Лебедушкин. Вы потеряли любимого человека, а он потерял нечто большее, существо из другого мира.

Полковник. Она что, приведение с планеты Икс, двоюродная сестра короля пчел?

Лебедушкин. Объясняю... он черный, мавр, она белая. Он человек в возрасте, она совсем молоденькая. Он — военный, генерал, она — наивное дитя. То, что он ее любит, это понятно, но самое большое чудо то, что она любит его. Вот откуда эти слезы!

Полковник. Хорошо, я прикрою лицо рукой, как будто плачу.

Лебедушкин. Вы меня не поняли. Скажите, Андрей Иванович, у вас была нереальная любовь?

Полковник. Что это значит?

Лебедушкин. Были ли вы когда-нибудь влюблены в существо недостижимое, ну, например, в Барбару Стрейзанд или кого-нибудь в этом роде?

Полковник. В балерину, я увидел ее по телевизору, влюбился, как сумасшедший, купил билет в Большой театр, я был тогда старшим лейтенантом, места неважные на галерке, однако был смысленный малый — взял в театр полевой бинокль с тридцатичетырехкратным увеличением.

Лебедушкин. Как ее звали?

Полковник. Не важно, знаменитая балерина, на нее до сих пор весь мир молится.

Лебедушкин. Колитесь, я никому не скажу.

Полковник. Я не понимаю, мы будем играть или разговаривать? Кто мы, кто? Артисты или ученые?

Лебедушкин. Как раз в этом и состоит самая важная часть работы артиста, мы занимаемся разбор произведения, вы заплачете, и слезы польются легко и свободно, и не почувствуете никакого стыда за эти слезы.

Полковник. Не уверен.

Лебедушкин. Как ее звали?

Полковник. Не скажу.

Лебедушкин. Представьте, товарищ полковник, вы полюбили эту самую балерину, послали ей записку в букете, назначили свидание у служебного входа, она пришла, роман начался мгновенно! Она выходит за вас замуж, бросает Москву и едет в богом забытый Н-ск на краю степи. Теперь понятно, что такое нереальная, невозможная любовь?! Так и Дездемона, кстати, оставила Венецию, ради любимого помчалась на богом забытый Кипр.

Полковник. И что с того?

Лебедушкин. Вы чувствуете, как она вас обожает. Вы на седьмом небе!

Полковник. Ну, допустим.

Лебедушкин. И вдруг спустя несколько месяцев вам тонко намекают на то, что она вам не верна! Вы падаете с небес на землю, бьетесь плашмя всеми своими костями! Нечеловеческая боль! Вот откуда слезы! Понятно?

Полковник. Понятно, но я плакать не буду.

Лебедушкин. Почему?

Полковник. Потому что я десантник.

Лебедушкин. По смертности режиссеры занимают вторую строчку после шахтеров. Чтоб вы знали...

Полковник. А военные на каком месте?

Лебедушкин. На шестнадцатом.

Полковник. Может быть, тогда ты займешься менее опасным делом?

Лебедушкин. А с вами нелегко.

Полковник. Довольно разговаривать, хочу играть.

Лебедушкин. Я же говорил, это очень заразительное занятие.

Отелло

Пускай я чем-то бога прогневил.
Над непокрытой головой моею
Он мог излить несчастье и позор,
По горло утопить меня в лишениях,
Но потерять сокровищницу сердца,
Куда сносил я все, чем был богат.
Но увидеть, что отведен источник
Всего, чем был я жив, пока был жив.
Но знать, что этим родником питают
Пруды для разведения мерзких жаб.

Дездемона

Скажи, в чем грех мой, что я совершила?

Отелло

Ты ль для того бела, как белый лист,
Чтоб вывести чернилами «блудница»?
Сказать, в чем грех твой, уличная тварь,
Стыдом я щеки раскалю, как горн,
Когда отвечу. Выговорить тошно.
Нет сил. На небе зажимают нос.
А ты не знаешь, шлюха без стыда,
Что совершила ты, что совершила?

Дездемона

Ты не имеешь права, видит Бог,
Так обижать меня.

Отелло

Так, значит, ты не шлюха?

Дездемона

Христом клянусь, что нет!
Вступишь, святое небо.

Лебедушкин. До этого самого места. Стоп!

Полковник. Жестоко.

Лебедушкин. Все вы, мужчины, таковы, я тоже устраивал своей Маше ужасные сцены ревности. На сегодня довольно, я устала. В последнем письме она написала, что у меня переменялся почерк.

Полковник. Тем более нельзя тебя комиссовать, представляю, как она расстроится.

Лебедушкин. Напрасно вы так думаете, девушка с девушкой тоже могут быть счастливы.

Полковник. Вам, девушкам, виднее.

Лебедушкин. А мама, например, всегда хотела дочь.

Полковник. А отец у тебя есть?

Лебедушкин. Мой отец донжуан, блеснул своей шпагой и растаял в дымке голубой. Моя Маша, кстати,

недавно получила большую роль в кино, пока я с вами здесь на печке прохлаждаюсь.

Полковник. Любопытное ощущение от игры, я ощутил нечто похожее на удовольствие. В чем источник этого кайфа, объясни мне?

Лебедушкин. Душа бессмертна, она радуется каждому перевоплощению.

Полковник. Я в это не верю, там будет темно и холодно.

Лебедушкин. Ничего подобного, впереди — новые роли!

Полковник. Уже половина четвертого. Коля, налей мне кофе.

Лебедушкин. Если пообещаете, что комиссуете меня.

Полковник. Как тебе не совестно, Лебедушкин, разве ты плохо служишь? Библиотека, домашний театр, кофе, Джеймс Джойс.

Лебедушкин. Отпустите меня домой.

Полковник. Не могу! О полке станут плохо говорить, мол, там парней переделывают в баб. Все заслуги перед Отечеством забудут, а вот дурной случай запомнят и еще издеваться станут. Так устроен человек.

Лебедушкин. Тогда в малом пойдите навстречу, освободите меня от занятий, это бесчеловечно — девушке тащить по полю ящик с патронами и гранатометом.

Полковник. Я подумаю.

Лебедушкин. Благодарю вас, Андрей Исаевич.

Полковник. Спокойной ночи, Николай.

Лебедушкин. А как же кофе?

Полковник. Ладно, в другой раз.

*Полковник уходит. Лебедушкин расстилает постель.
Приходит Багаев.*

Багаев. Здравствуй, здравствуй, девица красная.

Лебедушкин. Здравия желаю, товарищ капитан.

Багаев. Объясни мне, солдат, и зачем ты рассказал высокому начальству про обычаи и нравы нашей роты?

Лебедушкин. В воздухе повисла странная и непонятная пауза, эдакая неловкость, надо было как-то поддерживать разговор, а лучшей темы я не нашла.

Багаев. По твоей вине мне опять задержали звание. Мне что, в капитанах всю жизнь ходить?!

Лебедушкин. Зато у вас высокое положение в мире, что находится за пределами милости Божьей. В царствии тьмы есть свой табель о рангах.

Багаев. Неужели?

Лебедушкин. И у вас очень высокое положение. Черная душа шестнадцатого циклона в домене его величества Сатаны. Вам надо идти в церковь, становиться на колени и стоять в бесконечной молитве семнадцать недель, пока края души не просветлеют.

Багаев. Откуда такая смелость суждений, рядовой Лебедушкин? Потому что стал близок к начальству, и что это за близость, из-за которой рядовые первого года службы читают мораль офицеру? Зачем он приходил? Чем вы занимались с командиром части, неужели прелюбодействовали?

Лебедушкин. Это несчастье, когда сознание ничем не отличается от сбитых каблуков.

Багаев. Он лапал тебя?

Лебедушкин. Не прикасайся ко мне, кентавр!

Багаев. Может быть, сходим в кино? Вот увидишь, он не сделает тебе предложение! А я другое дело, я не обману!

Лебедушкин. От тебя несет серой, ты ад несешь в себе! Гной, разложение, сифилис, вонь геенны огненной, гниение тюремной параша — вот основные компоненты, из которых в аду приготавливали твою уродливую душу.

Багаев. Хочешь домой, в Москву? Мы отправим тебя домой... в цинковом гробу. В твой гроб я положу полковничьи погоны. Клянусь тебе, живым отсюда не уедешь. Прощай!

Лебедушкин. Я не боюсь тебя.

Багаев. Напрасно, ведь я твоя смерть. Бойся меня, думай обо мне.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клуб воинской части.

Полковник. Доброй ночи.

Лебедушкин. Как следует закройте за собой дверь на замок.

Полковник. Почему ты каждый раз просишь меня об этом? И вчера, и позавчера, и две недели тому назад. Кто-нибудь побеспокоил тебя?

Лебедушкин. Нет. Опять метель, я вышел, умылся снегом и вернулся. Так холодно, что снежинки не прилипают друг к другу, хотел сделать снежок, а он рассыпался.

Полковник. В этом краю суровые зимы. Коробка грима, как обещал.

Лебедушкин. Дорогого стоит такое приобретение за четверть часа до премьеры. Без четверти двенадцать, переодевайтесь и садитесь гримироваться.

Полковник. Сцена?

Лебедушкин. Готова!

Полковник. Свет?

Лебедушкин. Я выставил свет.

Полковник. Грим?

Лебедушкин. Умеренный.

Полковник. Лицо?

Лебедушкин. Цвета грозовой тучи.

Полковник. Губы?

Лебедушкин. Фиолетовые.

Полковник. Глаза?

Лебедушкин. Сверху посветлее.

Полковник. Язык?

Лебедушкин. Язык не гримируют.
Полковник. У Яго можно было бы загримировать черным.
Лебедушкин. Великолепная метафора, но у нас нет Яго.
Полковник. У нас никого нет, ни Яго, ни Родриго... ни Бранцио, и в партере пусто, и спектакль идет всего шесть минут.
Лебедушкин. Случается, на сцене артистов больше, чем зрителей в партере, и зал полон, и спектакль идет шесть часов, а в сердце пустота. А мы сыграем точно, сыграем виртуозно, и это оправдывает все другие наши упущения.
Полковник. Ночь, зеркало, метель, мое лицо, мои руки, мои глаза.
Лебедушкин. Ночь — это щель между двумя вспышками света.
Полковник (*глядя на свое отражение в зеркале*). Кто это? Что я здесь делаю?
Лебедушкин. Гримируйтесь, скоро полночь.
Полковник. Командир части, боевой офицер, мажет физиономию кремом цвета яблочного повидла, он будет говорить по написанному, изображая того, кем не является на самом деле, кривляться и лицедействовать. Надо заканчивать, пока не поздно! Я играть не буду.
Лебедушкин. Это еще что за новости?
Полковник. Какой из меня актер?! Пойду проверю, как несет службу караул.
Лебедушкин. Уйти за пять минут до премьеры — верх трусости. Постарайтесь справиться с волнением.
Полковник. Мне не страшно, я не понимаю.
Лебедушкин. Что?
Полковник. Зачем играть?
Лебедушкин. На этот вопрос нет ответа.
Полковник. Я ухожу.

Лебедушкин. Это подобно самоубийству. Одной жизнью меньше.

Полковник. Я ухожу, спокойной ночи.

Лебедушкин. Я тоже хотел сбежать перед первым выходом на сцену.

Полковник. Прощай, зайду на днях.

Лебедушкин. Счастливого пути!

Полковник. Не могу уйти, что-то во мне сопротивляется.

Лебедушкин. Душа — против, ты лишаешь ее жизни.

Полковник. Произносить чужие слова — какая глупость!

Лебедушкин. В отличие от пьесы, в которой вы играете каждый день с утра до поздней ночи, каждое слово драматурга отмерено и несет в себе смысл. Начинаем.

Полковник. Я не готов.

Лебедушкин. Свет. Музыка, ваш выход.

Полковник. Я волнуюсь.

Лебедушкин. Еще бы, это ваш первый выход. Начинаем.

Они играют тот же эпизод из «Отелло», что репетировали. Заканчивают.

Лебедушкин. Bravo, товарищ полковник! На поклон!

Полковник. Как быстро все закончилось!

Лебедушкин. Кланяйтесь, кланяйтесь! А вы правы, из вас вполне получился бы актер, и очень хороший актер.

Полковник. Спасибо. Ты проиграл пари.

Лебедушкин. Но мы не спорили на что-нибудь!

Полковник. Напрасно, это мое упущение!

Лебедушкин. Мне понравилось, как вы сыграли «...Но потерять сокровищницу сердца».

Полковник. А ты умеешь быть неожиданным.

Лебедушкин. Хорошо бы найти пьесу на двоих, часа на полтора, я напишу Маше, я попрошу ее прислать.

Полковник. Меня разжалуют и с позором выгонят из армии.

Лебедушкин. Пересохло в горле, высохло, выпью воды.

Полковник. Вдруг стало грустно.

Лебедушкин. Почему?

Полковник. В жизни остается все меньше белых пятен.

Лебедушкин. У вас есть заветная мечта?

Полковник. Когда я был ребенком, мне хотелось стать птицей, и я ею стал, я знаю небо, как свою ладонь, я камнем падал в затыжном прыжке, парил свободно в небесах. А сейчас я мечтаю упасть на горячий песок где-нибудь на пляже в Сочи, пить газированную воду со льдом и смотреть на облака. Лежать, не двигаться и ни о чем не думать. Долго, очень долго. А ты о чем мечтаешь?

Лебедушкин. Сыграть большую роль в большом кино, чтобы это была потрясающая история о любви! Чтобы этот фильм увидел весь мир. Иногда я закрываю глаза и вижу себя в черном смокинге, поднимающимся по ступеням Каннской лестницы.

Полковник. А я буду сидеть дома перед телевизором, дряхлеющий военный пенсионер, и радоваться твоему триумфу.

Лебедушкин. А почему бы и нет.

Полковник. Так и будет. Вот увидишь!

Лебедушкин. Товарищ полковник, отпустите меня домой.

Полковник. Никто тебя за язык не тянул, сам сказал, мол, скоро будем репетировать большую пьесу на двоих.

Лебедушкин. Я вас очень прошу.

Полковник. Хорошо, я подумаю. Приготовь-ка мне чашечку кофе.

Лебедушкин. Осталось три ложки.

Полковник. Совсем забыл, я принес целую банку.

Лебедушкин. Где она?

Полковник. В шинели, в правом кармане.

Лебедушкин. Королевский подарок.

Полковник. Арабика, твой любимый.

Лебедушкин. Полное дерьмо!

Полковник. Плохой кофе?

40 Лебедушкин. Все, что мы сейчас сыграли, совершенно неправильно, мимо смысла, пьеса не об этом. Мы сочувствуем Отелло, а он должен вызывать у нас отвращение!

Полковник. С какой стати?

Лебедушкин. Это история не о ревности. Пьеса имеет более глобальный смысл! Бог подарил человечеству прекрасную планету. Он дал любовь, слово, сознание, вдохнул дух и душу. Даровал все, что нужно для счастья, но люди не могут быть счастливы в силу своей природы, своей мелкой глупости и ничтожного эгоизма. Яго не ангел зла, а обыкновенный человек, банальный человек, каких большинство. Отелло точно такой же обыкновенный человек. Один завидует. Другой ревнует. Самое лучшее, что дает Бог человечеству, оно убивает. Поэтов, красивых женщин, высокие чувства, гениев, святых. Это о Пушкине, это о Христе. Начнем репетировать заново.

Полковник. А ты не мог пораньше прозреть?

Лебедушкин. Всему свое время.

Полковник. И что, трехнедельный труд насмарку??

Лебедушкин. Да.

Полковник. А мне понравилось, особенно как я сыграл.

Мне даже кажется, в чем-то и где-то я тебя переиграл.

Лебедушкин. Как быстро вы заболели всеми актерскими болезнями.

Полковник. Но, честное слово, было недурно, я расстроен.

Лебедушкин. Самая уродливая химера — это художник с золотыми глазами, некритично оценивающий себя и свое творчество. Писать и зачеркивать, писать и снова зачеркивать, и так до бесконечности. Сейчас же начнем репетировать заново!

Полковник. Пойду домой, устал, тяжелый выдался денек — стрельбы, три совещания и премьеры.

Лебедушкин. Если вы уйдете, это будет предательством.

Полковник. Кто-то целый день валялся в постели и читал Парни, а кто-то командовал полком!

Лебедушкин. Как вам не совестно жаловаться, возьмите себя в руки! Вы же мужчина!

Полковник. Всю свою жизнь, повинуюсь неясному инстинкту, я пытался доказать всем на свете, что я необыкновенно храбрый и сильный человек. Когда был ребенком, я атаманил бандой дворовых мальчишек, потом стал лучшим курсантом, после — самым мужественным офицером. Всю свою жизнь я пытался произвести впечатление, я устал, я обыкновенный человек, я хочу спать. Приду домой, разберу постель и лягу спать, все!

Лебедушкин. Хорошо, отдыхайте. А завтра мы начнем сначала.

Полковник. Премного благодарен, Наталья Сергеевна. Благодарю!

Появляется адъютант.

Адъютант. Товарищ полковник, срочная телефонограмма из генерального штаба.

Полковник. Есть только один человек, который всегда знает, где я нахожусь, таковы правила военной жизни. Давай сюда.

Адъютант. Что за костюм на вас?

Полковник. С этой осени в вооруженных силах вводят новую форму одежды: панталоны, кисти, жабо.

Адъютант. Где вы успели так загореть?

Полковник. В лучах славы. Поднимай полк. Тревога.

Адъютант. Есть, товарищ полковник!

Полковник. Комсостав собрать в штабе, через пятнадцать минут — чтобы все на месте. Внеплановые учения Северо-Восточной группировки войск. Кругом шагом-арш.

Адъютант уходит.

Лебедушкин. И что это значит?

Полковник. Ты остаешься здесь, чтобы ни случилось, весь этот переполох тебя не касается.

Лебедушкин. Есть, товарищ полковник.

Полковник. Зайду через недельку. Чтобы за порог ни шагу! Приказываю охранять панталоны, кофеварку и свечу!

Лебедушкин. Я постараюсь, Андрей Исаевич.

Полковник. Вы давали присягу, рядовой Лебедушкин?!

Лебедушкин. Так точно, этой осенью.

Полковник. Тогда отвечайте по уставу.

Лебедушкин. Есть охранять панталоны, кофеварку и свечу, товарищ гвардии полковник!

Полковник. Вот так-то будет лучше!

Полковник уходит. Спустя некоторое время появляется Багаев.

Багаев. Тревога! Собраться за две минуты, в строй!

Лебедушкин. Я не встану в строй, таков приказ командира части.

Багаев. Только что полк подняли по боевой тревоге. Вы солдат моей роты! Я приказываю вам встать в строй!

Лебедушкин. Я имею совершенно другой приказ, касающийся вещей, имеющих совершенно иную природу, никак не относящихся к вооруженным силам.

Багаев. Если ты не сделаешь это добровольно, я вынужден буду применить силу, мы тебя отсюда — на руках!

Лебедушкин. О небеса! Меня преследует кентавр. Туловище лошади бежит за мной в ночи!

Багаев. В строй!

Лебедушкин. Не прикасайтесь ко мне, я сам пойду.

Багаев, Лебедушкин уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

*Сцена клуба. На сцене готовый к отправке груз «двести».
Входят полковник, врач, Багаев, адъютант.*

Полковник. Почему ты молчишь, говори!

Адъютант. У меня закончились слова

Полковник. Как это могло случиться?

Адъютант. Я уже трижды вам докладывал, он попал под боевую машину десанта.

Полковник. Я это знаю, я спрашиваю о другом. По неосторожности или ему кто-то помог в этом? Капитан Багаев!

Багаев. Вот вам в свидетели вся рота, он был в цепи, вдруг остановился, как будто о чем-то задумался, машина его смела.

Полковник. Я приказал ему оставаться в клубе!

Багаев. Клянусь, я ничего не знал об этом, Лебедушкин — солдат пятой роты, была тревога, он обязан был стоять в строю.

Полковник. Он поднимался в небо?

Багаев. Да, вместе со всеми.

Полковник. Он прыгал с парашютом? Ночью?

Багаев. Приземлился вполне нормально, встал на обе ноги. Мы развернулись в цепь, и вдруг машина справа. На больших учениях без потерь не обходится.

Адъютант. Один солдат — не так уж много.

Морозов. Смерть была быстрой, мгновенной, как вспышка.

Багаев. Если принимать во внимание, что в учениях было задействовано две дивизии.

Полковник. Вы свободны, капитан. Вы свободны, майор.

Багаев и Морозов уходят.

44 **Полковник.** Все простились?

Адъютант. Полторы тысячи человек, все, кроме солдат из караульной роты. Я отдал приказ запаять гроб.

Полковник. Погоди, так нельзя. Неужели в этом городе нет ни одного священника?

Адъютант. Был один-единственный, и тот спился.

Полковник. Нет, нет, так нельзя, это не по-людски.

Адъютант. А что же делать? Самолет стоит на взлетно-посадочной полосе.

Полковник. Иди. Встань с той стороны дверей, и чтоб ни одна живая душа не вошла!

Адъютант уходит.

Полковник (*готовит сцену, достает из кармана лист бумаги*).

Ты умер.

Твои глаза жадно глотают тьму,

Как две цапли воду после долгого перелета через пустыню.

Ты оглох.

Ты слеп.

Потерял сознание, речь и память.

Таковы правила предстоящего путешествия.

Два миллиарда лет назад Господь обрел этот мир,

Мир Господний обрел твою душу,

Твоя душа обрела дух, а значит, она бессмертна!

Ибо дух есть тот неизменный порядок души,
Который не способна изменить вечно гниющая,
Зловонная и серная вечность.

Я один знаю формулу твоего духа:
Это сладкие, как любовь, вечно осыпающиеся цветы,
Это апельсиновое солнце и запах жженого сахара,
Подгоревшего на большой столовой ложке,
И ангелы, рассыпающие меж звезд соловьиные трели.

Твое тело будет предано земле или огню.
Оно сгорит или распадется на атомы.
Но это неважно, ибо оно есть только кокон,
А душа твоя есть бриллиантовая стрекоза.
Она освободится от кокона
И будет сорок дней
Парить в околоземном эфире,
Слушая о любви к тебе,
Собирая силы для будущего путешествия.

Она полетит к своей новой жизни, пересекая океаны времени,
И скоро твоя постоянная душа
Достигнет суши, и начнется новая жизнь.

Твои глаза, вдоволь напившиеся тьмы,
Снова распахнутся. Навстречу солнечному свету
Ты побежишь босыми ногами по росе
и когда-нибудь вдруг вспомнишь обо мне.

Это будет неясное смутное воспоминание,
Луч, пронзивший память.
Ты на мгновение задумаешься.
Вдруг начнется дождь,
И ты бросишься под козырек универмага,
Навсегда забыв обо мне.

Когда душа пересечет двенадцать океанов времени,
Она снова обретет способность на встречу со мной, но мы не
встретимся.

Мы больше никогда не встретимся,
А если и встретимся в новой жизни, не узнаем друг друга.

Но душа сохранит навеки
Это неясное предчувствие,
Столь необходимое, чтобы снова и снова
Жить, испытывая вдохновение.

Ты идешь по лестнице в небо
Навстречу своей бесконечной славе!
У тебя будут новые лица,
Новые голоса и новые мысли!

Ты проживешь еще тысячи жизней!
У тебя будут тысячи новых имен!
И все имена ты прославишь!
Прощай навеки!

Впереди новые роли!

Занавес.

Москва, 2001